

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ К РУБРИКЕ

Давайте будем жить вперед!

Е. Летов

Птица Феникс возродилась для нового жизненного цикла! Здравствуй, друзья! Есть новая дорожка, и, по последним агентурным данным, она может увести на семь шагов за горизонт. Как минимум. Максимум зависит от нас... А собственно от кого от нас? Ну хорошо, "подполье", кому привычней английский вариант — "underground". Кого сие понятие объединяет?

Как певал Б.Г., "Я должен держаться корней...", а посему будем танцевать от печки. Танцем же сегодня будет попытка совместить понятия "творческого подполья" и "русскоязычной израильской литературы". Там, где два эти множества пересекутся, мы себе и устроим нишу. Оттуда и пойдем за горизонт.

Итак, "творческое подполье". В западной культуре сюда относят чаще всего явления антикоммерческие, претендующие на не-получение прибыли. Для примера лучше всего назвать группу "Sex Pistols": до определенного периода своего существования она принципиально не записывала студийных альбомов, ограничиваясь концертами в маленьких помещениях вроде клубов и пабов. Сотрудничество со студиями звукозаписи было началом конца, первые прибыли — серединой, а турне по США — концом конца "Sex Pistols". "Punk is dead!" — да здравствует коммерческая музыка!

На нашей Родине дело обстояло несколько по-иному. Параметром официальной оценки творчества была идеология, поэтому и все поэты, художники, рок-группы, которые были "не за" или "против" автоматически, хотели они того или нет, становились подпольем.

Вернемся теперь к нашей израильской печке. К нам применимы оба фактора: и финансовый, и идеологический: финансовый, потому что мы живем в капиталистической стране, идеологический... потому что мы к нему привыкли. Если брать первый, то мы все от мала до велика — underground, покажите мне того, кто пишет

здесь по-русски и ништячно с этого разжирел (я не говорю о журналистике — это жанр отдельный)? Идеология? О да! Здесь политическое разнообразие велико, однако идеологическое давление равно нулю, попробуй проведи четкую границу...

Лирическое отступление: уже слышу, как мне говорят: “Как же так? Идеологическое давление равно нулю? Посмотри, вон тому дали то-то, а нам этого-то не дали и таким образом, ясное дело, помешали!” А почему, собственно, творчество должно быть изначально обречено на помощь? А пробивать стены головой?! Самому! Ведь никто не мешает. Да и вся история искусства доказывает: стоящее, настоящее, такое, от чего солнышко на небе в изумлении перед человеком застывает, не только не нуждается в помощи, а и преград никаких не боится и шансов не дойти, не найти рано или поздно свою аудиторию — не имеет.

Видите, обе классификации не подходят. Придумаем свою. Например: “В этой рубрике будем считать подпольем того, кто сам себя к нему относит!” Для начала неплохо, а дальше... дальше все зависит от нас.

А посему: если ты, товарищ, относишь себя к русскоязычному израильскому творческому подполью, — добро пожаловать! Пиши! Участвуй! К читателям же, андерграундом интересующимся, тоже есть просьба: пишите, сообщайте, что ништяк, а что не-ништяк.

А теперь — за работу!

Структура рубрики будет следующей: вначале — либо обзорная статья на тему израильского русскоязычного творческого подполья или творческого подполья вообще, либо биография кого-нибудь из тех, кто зерно на мельницу, затем небольшое произведение, имеющее андерграундно-тусовочную ценность, после чего читатель ознакомится с последними новинками панк-звукозаписи, сможет поучаствовать в хит-параде и прочитать интервью или информацию о прошедших и предстоящих underground-событиях. Завершаться рубрика будет несколькими (хорошего понемножку) страницами андерграундной прозы и поэзии.

Начну я первый выпуск “Подполья” с обзорной статьи: как формировалось в Израиле поэтическое подполье в последние несколько лет.

Мух

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ИЗРАИЛЕ

Если вы, уважаемый читатель, когда-нибудь ездили из Тель-Авива в Иерусалим и на подъезде к столице не дремали, но сидели и смотрели из левых окон автобуса, то вполне вероятно, вы заметили глубокий овраг, начинающийся от развилки шоссе Иерусалим — Тель-Авив и Иерусалим — Рамат. В нем, ярко освещенные дневным солнцем, полускрытые вечерней дымкой или еле заметные в ночной мгле, стоят полуразрушенные и на первый взгляд совершенно бесхозные дома арабской деревни Лифта, покинутой ее жителями. Но так ли она необитаема, как это кажется смотрящему на нее сверху вниз? Нет! Лифта — столичный город. И вовсе не потому, что она — часть Иерусалима. Совсем нет! Лифта — столица русского изра-

ильского поэтического андерграунда. Как и у всех столиц, у нее есть свой мэтр... Но о людях потом. Сначала давайте спустимся по извилистой горной тропке, что начинается у развилки двух шоссе и бежит к Источнику. В Лифте его так и называют — просто Источник. Упомянутый еще в Торе, он и сейчас так же прозрачен и чист, а вода его все так же холодна, как и тысячи лет назад. Уже здесь можно увидеть лифтовых обитателей — с канистрами и бутылками приходят они сюда за водой. Здесь же люди встречаются, до этого места провожают уходящих. Но, читатель, тропка ведет дальше, мимо Кактусового Ада, инжирных деревьев, к домам, в которых зимой и летом, в снег, дождь и жару живут и творят Люди Лифты.

Теперь вернемся на пять лет назад, когда на Фонтане в Нетании встретились два свежеприехавших в Израиль, еще неизвестных никому молодых человека — Иосиф Фридлянд, которого мы далее будем именовать “Осс”, и Эдуард Семенов — “Пчел”. Тогда они еще не были Оссом и Пчелом, но сейчас так их зовут друзья, так они подписывают свои стихи. Эта встреча и была тем моментом, с которого пред-ыстория русского израильского поэтического подполья переходит в историю.

Осс провозгласил себя, по написании нескольких удачных стихов, гениальным поэтом и вошел в эту роль так глубоко и надолго, что заставил всех своих друзей в это верить. А потом и действительно — стал писать вещи все более и более крутые, постепенно сливаясь со своей ролью. Вот примеры того, что писали тогда Осс и Пчел:

Мой милый маленький Израиль,
Как ты велик, как ты глубок,
Мы о земном мечтали рае,
Ты от него нас уберег.
Ты нас не только что с народом —
Ты нас с землей своей смешал,
Которую ты год за годом
И удобрял и орошал.
/Осс/

Улыбнись мне жуткою улыбкой,
Не сочти ты просьбу эту странной,
В жизни все ошибка за ошибкой,
Исцелить не могут даже травы.
/Пчел/

Зараженные его энтузиазмом и верой в то, что лишь в искусстве есть смысл человеческой жизни, начинали — более или менее успешно — писать все новые и новые люди.

Другим направлением, слившимся с тусовкой Осса и Пчела, были русские панки, народившиеся в Израиле к 1992 году под влиянием песен Егора Летова, Янки Дягилевой и Ромы Неумоева. 15 июня того же года на концерте Б. Г. в Холоне встретилось много единомышленников, и эта встреча, в тогдашнем вакууме общения свежеприехавшей молодежи, дала рождение панк-рок-проекту “Эпидемия А”. Позже зародилась новая группа, чей лидер Евгений Лембрицкий писал довольно интересные тексты, но вскоре порвал с поэзией, отдавшись без остатка изучению Торы и отращиванию бороды. Вот пример его творчества:

Мной зальют пустые соты
В улье мирозданья,
Мне поверят с полуслова
Добрые созданья.
Удивительные звери,
Древние химеры,
Дабы не пустить нас в небо,
Принимают меры:
Рушат стены, ставят сети,
Повышают званья,
Заливают нами соты
В улье мирозданья.

Еще один примечательный поэт, в то же время, но по другим причинам отошедший от творчества, — это Глюк. Познакомились мы с ним в тогдашнем тусовочном центре Израиля — на площади Дизенгофа в Тель-Авиве. Его песни покоряли слушателей, к тому же в годы, когда Егор Летов был властителем дум, ценилось еще и умение играть на гитаре:

В одной амбразуре торчали два трупа,
В одной одинокой, с одним пулеметом,
И был пулемет тот такой одинокий,
Из темной бойницы выглядывал тупо.

В конце 1992 года произошло Первое Слияние из двух, создавших поэтический андерграунд в его сегодняшнем виде. Тель-авивская и иерусалимская тусовки начали соприкасаться, а затем и активно общаться.

1993 год ознаменовался первым майским сейшеном, посвященным второй годовщине со дня гибели Янки Дягилевой. С тех пор такие сейшени стали ежегодными и являются, видимо, самыми крупными событиями в жизни подполья. Первый состоялся в Холоне, на помойке сельхозшколы “Микве Исраэль”, второй и третий — в иерусалимском Ган-Сакере, а четвертый и пятый — в Лифте. На май 1998 года намечается шестой — видимо, опять в Ган-Сакере. В июне 1994 начал издаваться и выходил в течение двух лет (до 1996) ежемесячный ксероксный журнал “Хомер”. Тираж его был невелик — от 50 до 80 экземпляров, но он принес известность нигде раньше не печатавшимся авторам и привел в наши ряды новых бойцов. О двоих расскажу особо, ибо и на сегодня они самые активные и яркие среди нас.

Живет и творит в Тверии человек со странным и длинным псевдонимом — Маркиз Дон Волосипьян Де Писо, Граф О’Приколе. Надо отметить, что тверийская литературная тусовка является чем-то наподобие Австралии — связи ее с остальным миром редки и непрочны, влиянием мейнстрима она почти не подвержена. Здесь-то и расцвел талант этой даже по андерграундным меркам маргинальной и безумной личности, под чьим крылом подрастает целое поколение творческой молодежи, среди которой следует выделить Олега Похвалина (псевдоним), члена группы “Анархический хумус”. Вот одно из ранних произведений Волосипьяна:

Таракан ползет по стенке,
Видно, шибко хитроумный,

И громадные усищи
Развеваются над телом.
Я прихлопнул таракана
Сковородкой-непригаркой,
Только длинные усищи
Развеваются над трупом.

Второй человек, ворвавшийся в литературное подполье внезапно и стремительно, потрясший его до основания и до сих пор вызывающий споры, — Петя Птах. Познакомился я с ним осенью 1994-го на сейшене, посвященном десятилетию группы “Гражданская Оборона”. Здоровенный — весом почти в центнер — очень веселый розовый слон. Вскоре, однако, я прочел его стихи, и все остальные впечатления отошли на второй план. Пожалуй, пиковым, лучшим на сегодняшний день его творением является “Длинный стишок про апокалипсис”. После него Птах ушел (надеюсь, не окончательно) в рифмование столбцов цифр и двойных интегралов с тройными.

пузырек с водой из Леты,
гроздь гвоздей
пальцами ангелов падших,
как тарелку на счастье,
с размаху бьет о твердь
неба цвета сельди
заплесневелые
пьедесталы — тебя пою поэзия апокалипсиса

Еще один человек, о котором нельзя не упомянуть, описывая годы 1992 — 1994, — Совушка. Приехав в Израиль, он почти сразу познакомился со всеми реальными тусовочными людьми, но при этом навсегда остался отшельником. Из своей Биньямины Совушка почти никуда не выезжает, а желающие с ним пообщаться волей-неволей вынуждены приезжать к нему. Кроме стихов, Совушка не гнушается и прозой — такой же остро безумной и неповторимой, как стихи.

...А потом набрать номер,
Переждать три гудка
И, когда возьмут трубку,
Прошептать: “Вот и я...”
И подумать: “Узнала?”,
Постучать по столу,
Усмехнуться сквозь зубы
И сказать: “Не прошу!”

В конце 1994 года произошло Второе Слияние. Нагрянула северная волна. Она была столь мощной и неожиданной, что смела практически все устоявшиеся системы ценностей — как в поэзии, так и в образе жизни. На гребне этой волны — Адольф из Крайот и Степан, который, хотя и проживает в Бейт-Шемеше, но пришел вместе с северными людьми, да и в творчестве наиболее к ним близок. Адольф — официально подтвержденный сумасшедший, но с уклоном именно в сторону болез-

ненной гениальности. Более того — сумасшедший заразный. Каждый разговор с ним грозит безвозвратной потерей чувства реальности. Многие так и не вернулись в себя, прочитав его эссе о ехидстве как основной теме в идишистских мелодиях. На бумаге его тексты хороши, но когда Адольф берет в руки гитару... Это надо слышать:

Школа жизни — день открытых дверей,
Красней щека, сердце бьется в груди,
Забейся в угол, зарой свою тень,
Ногами к взрыву, лицом к стене.
Замри ковром листвы,
Застынь пластом земли.

Адольф со Степаном составляют ядро группы “Госплан”, в которой сначала активно участвовал и Пчел, но затем по концептуальным причинам из нее вышел. По сравнению с Адольфом Степан пишет менее лирично, более агрессивно:

Батальоны просили огня,
Батальонам хотелось курить,
Батальоны нажрались с утра,
Батальоны мечтали дойти
Куда-то прочь, куда-то в ночь,
Куда-то выше, чем на небо,
В родимый край, в заветный рай,
Где только горький вкус победы
На губах, на губах, на губах.

И вот наступил год 1995-й, год Лифты, год, давший столицу поэтическому подполью. Здесь собирается со всей страны творческая молодежь, сюда в любое время дня и ночи может приехать любой и найти хлеб, воду (иногда даже макароны и водку), самое главное — слушателей. Иногда такие спонтанные поэтические вечера затягиваются до рассвета. Совершенно неожиданно увидеть в стране, где русских пятая часть, если не меньше, а из них интересуется поэзией одна... в общем, не так уж много... целый город, где творчество не только в почете, но и объединяет почти всех жителей. Самым крупным испытанием для лифтян была зима. Население Лифты, достигшее к осени двух десятков постоянных жителей и почти вдвое больше наезжающих время от времени, сократилось до трех-пяти человек. Однако несколько героических личностей — мэр Лифты, Пчел и неунывающий Андришка — автор стихотворного “Абу-Кабирского цикла” — человек, творящий исключительно в условиях заточения, остались в Лифте. Весной народ свл прибывать, и в мае очередной сейшен памяти Янки посетило не менее сотни человек. С каждым месяцем население поэтической столицы увеличивается, обживаются новые дома. Все новые и новые произведения выходят из-под карандашей и ручек русской израильской молодежи (и не очень молодежи), посвятившей себя писанию по-русски.

Постепенно подполье стало просачиваться и в русскоязычную прессу. Настоящий, однако, прорыв произошел с возникновением “Молодежной студии” в газете “Магазин”. Здесь в корреспонденты прорвался великий тусовочный человек

Майк-Скоморох, издатель журнала “Зверушки”. Правда, и в этой ложке меда нашлось место сразу для двух бочек дегтя. Первая из них — байки про Адольфа публикуются регулярно, а вот его или еще чьи стихи... Вррая — молодежность издания: люди, печатающие что-то для молодежи или про молодежь, начинают внезапно сыпать бредовым пионерским жаргоном. Самое интересное, что в жизни с теми, для кого они так пишут, им никогда не придет в голову так разговаривать. Да и потом — большинству из нас уже скорее под тридцать, нежели за двадцать... Хотя довольно нелепо предъявлять претензии к официальной прессе — назвался андерграундом — полезай в кузов.

А. Камышный

НОВИНКИ ЗВУКОЗАПИСИ

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА — СОЛНЦЕВОРОТ

1. Солнцеворот
2. Про зерна, факел и песок
3. Родина
4. Нечего терять
5. Мертвые
6. Далеко бежит дорога (Впереди веселья много)
7. Новый день
8. Про дурачка
9. Поздно
10. Забота у нас такая
11. Жить
12. Дембельская

Запись: 1995 GrOb Records

Выпущено в свет: 1997 ХОР

Замечательный, как и все другие записанные ГО, альбом.

В музыкальном плане продолжает переход от ортодоксального панка к хипповским традициям шестидесятых. При этом, однако, не возникает ощущения повтора пройденного другими 30 лет назад, напротив, рождается новый стиль — завораживающий сплав волшебного летовского голоса с новыми в арсенале ГО инструментами: губной гармошкой, электроорганом, вибрафоном.

Нельзя не отметить, что тексты альбома несколько слабее тех, что мы слышали в “Прыг-Скок” и в «Сто лет одиночества». Хотя Летов, ясное дело, достаточно гениален, чтобы из агитки сделать Поэзию, примером чему служат “Родина” и “Новый день”, но обилие перечислений, так и не переросшее в шаманство, бросается в уши. Также нельзя признать более удачным, чем прыг-скоковский вариант, римейк волшебного “Дурачка”, спетого здесь на инструментальном фоне: чистое камлание больше брало за душу.

Стоит еще отметить, что песня “Далеко бежит дорога...” принадлежит Черному Лукичу, а это говорит о возобновлении плодотворного сотрудничества двух столпов сибирского подполья.